

И.Г. ТРОПИНА
(Волгоград)

«ЗЛО ХОДИТ РЯДОМ И ИМЕЕТ РАЗНЫЕ ОБЛИЧИЯ»*
(АНИМАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ В. МАРИНИЧЕВА «НОСФЕРАТУ. УЖАС НОЧИ»)

Анализируется образный строй анимационного фильма В. Мариничева «Носферату. Ужас ночи» (2010 г.): составляющие образа вампира, его традиционные компоненты, типологические черты и современные трансформации, российский контекст образов фильма; делаются выводы относительно социально-психологической природы современного киновампира.

Ключевые слова: образ вампира, вампирология, современный российский кинематограф, анимационный фильм, витальность, социальные страхи.

Киновампиры. Вампирская тема в современной культуре, особенно визуальной, чрезвычайно популярна. Однако она претерпела некоторые изменения, обратиться к рассмотрению которых я бы хотела.

Анимационный фильм Владимира Мариничева «Носферату. Ужас ночи» (2010 г.) почти не имел успеха в прокате и среди поклонников хорроров и вампирских фильмов, поскольку он практически не пугает (несмотря на заверение режиссера, что он хотел передать в фильме свое ощущение ужаса) и в то же время предлагает не вполне привычный образ вампира, лишенный привлекательности как привычного образа Дракулы, так и современных вампирских персонажей, например из популярной многочастной киносаги «Сумерки» (2008–2012 гг.) или фильма Тима Бёртона «Мрачные тени» (2012 г.), в которых вампирическая тема претерпевает определенные изменения. В то же время прототипами нового Носферату являются, конечно, одноименные персонажи двух кинематографических лент – Мурнау и Херцога, – и он отчасти выступает продолжателем их традиций трактовки образа. В анимационном «Носферату» очень силен элемент пародии, иронии и самоиронии. Персонажи «Носферату» так или иначе интерпретируют своих предшественников, остраивают их.

В фильме используются и цитируются многие элементы вампирских фильмов и фильмов о Дракуле, традиционных вампирских текстов с их атрибутами. Так, несколько раз происходит переход Джонатана Харкера в потусторонний мир, причем это сопровождается обмороками, так что сам Дракула в конце концов хлещет его по щекам и велит «не вести себя, как баба». Есть, как положено, samozакрывающиеся двери, склепы – «типичное обиталище вампиров», по заверению профессора Ван Хельсинга. Все основные персонажи – Носферату, Харкер, Ван Хельсинг – вбирают в себя черты литературных и кинематографических предшественников и клише, связанные с ними, которые пародируются режиссером, но также и черты, напрямую не связанные в зрительском сознании с вампирским жанром. В фильме звучит ирония как над некоторыми штампами вампирского кино, так и над нашими представлениями об ужасном. Над нашим (зрительским) представлением о Трансильвании посмеивается сам анимационный граф: «Сами понимаете: глушь, окраина Европы, дикие нравы и грубость чувств!».

Вообще связь кинематографа и образа Дракулы или Носферату подмечена многими культурологами и философами. О. Аронсон, продолжая традицию Ж. Делёза в интерпретации кинообраза, связывает образ Дракулы с возникновением нового типа восприятия – кинематографическим. Роман Стокера он называет феноменом кинематографа до кинематографа: он, как и некоторые другие тексты конца XIX в. (З. Фрейда, А. Бергсона), маркирует «переход от мышления, ориентирующегося на знаки культуры, к мышлению кинематографическими образами» [2, с. 29].

Слепой зов крови вампира заставляет его искать и гипнотизировать свою жертву, а массовый гипноз, как известно, в нашем мире – прерогатива экранных медиа. Кинематограф вообще изначально свя-

* Из интервью режиссера В. Мариничева.

зывался с погружением в гипнотический сон (начиная с Рене Клера). Вампир, как отмечают многие исследователи, – образ в первую очередь визуальный, кинематографический.

Кинематограф имеет дело с образами, которые обращаются не к индивидуальным, а коллективным желаниям и страхам, таким, в которых каждый из нас в отдельности ни за что не признается. Причем это желание неизвестно чего и страх неизвестно перед чем – аморфные и бесформенные. Вампиризм – это своего рода образное выражение, обнаружение этих желаний и страхов.

Сверхвitalность. Вампир не жив и не мертв, что вовсе не значит, что он бессмертен или не умирает. Отсутствие смерти у Дракулы традиционно трактуется как выражение его инаковости, которая вызывает страх, указывая в то же время на смертность человека. Обратной стороной нашего бессилия перед этой инаковостью является любопытство, эротическое напряжение, желание прикоснуться к нему.

«Вампир, пребывающий в анабиозе или в “жизни” (среди нас), в известном смысле мертв по отношению к своему активизированному состоянию. “Гроб” в данном случае представляет собой метафору, доведенную до уровня видеоряда» [6, с. 156]. «Активизированное состояние», вампирическая сверхвitalность, не имеет ничего общего с ожившим трупом в повествованиях об упырях и зомби.

Носферату в фильме В. Мариничева проявляет «гиперактивность» – в фильме в гроб он ложится лишь для переезда. Он вовсе не берет с собой в дорогу родную трансильванскую землю: связь с этим территориальным происхождением анимационного Носферату почти утрачена, образ этого вампира отрывается от почвы и демонстрирует другие, в том числе не вполне привычные черты, вскрывающие то вампирическое, что обычно теряется в готическом флере киновампира.

В эпизоде сна-перехода Джонотана он видит графа в образе кентавра, традиционно символизирующего варварство, разгул страсти, невоздержанность, чувственность, оргиастичность, т.е. в целом – природное, стихийное начало, вitalность. Вitalность, даже сверхвitalность, является частью первичных позывов, которым подчиняется природно-органическое начало жизни, Оно в человеке. Так, вампир, следуя зову крови (изначальной природной общности), сливается с этой первичной силой и приобретает сам невиданную природную, стихийную мощь (Там же, с. 124–129). Эта сторона образа трансильванского вампира была продемонстрирована в фильме Мурнау, когда Носферату сливался со стихией и с заразой, выраженной в природных образах. Вампир – прорыв стихии, «буйства жизни», что с лихвой демонстрирует Носферату анимационный.

Носферату уже вырвался на волю и чувствует себя там вполне свободно – на улицах он не привлекает к себе никакого внимания, сливаясь с толпой (хотя и не прибегает к переодеваниям для этого, словно ничем и не выделяется), большая часть фильма уделена его полетам, и он даже любит петь. Характерно, что Носферату не живет в поисках преодоления одиночества крови, достижения «непосредственной кровной близости» в отличие от «опосредованного кровного родства» (Там же, с. 128)*. Носферату умело его контролирует, посвящая себя стратегии обретения власти над окружающими для того, чтобы приблизиться к искомой цели – поджогу Лондона.

Тема власти проводится и в романе Стокера: «Дракула стремится умножить число не просто *себе подобных*, но число *подданных*; им руководит ясно осознаваемая *жажда власти* – может быть, самое главное, что связывает его образ с историческим прототипом» [1, с. 70–71]. В анимационном фильме Носферату нуждается не столько в проводнике в мир людей (в котором чувствует себя вполне вольготно), сколько в пособнике. Он недвусмысленно заявляет о желании видеть в лице Джонатана своего верного слугу. Характер их будущих отношений показан в эпизоде перехода Джонатана в мир Носферату, который осуществляется во сне Харкера и в котором Носферату предстает в образе кентавра, явно с намеком на власть эротического характера по отношению к тому, кто этот сон видит. Мельком в этом сне мы видим в гробу девушку, к которой вроде бы стремится вампир-кентавр, но это лишь намек на невесту графа Дракулы, который ни разу в фильме не повторится. Таким образом, Носферату и

* Тема кровного родства обыгрывается в «Мрачных тенях» Т. Бёртона, обозначая, по всей видимости, снижение вitalности в современном мире, в который приходит вампир из прошлого, эпохи готики и романтизма.

Харкера связывают властные отношения, где Джонатан (у которого, кстати, тоже нет невесты) оказывается в мазохистском положении – пародирование трактовки вампиризма как выражения либидо вампира (которого у него нет и быть не может, ибо он стремится к удовлетворению страсти другого порядка) и мазохистской фантазии жертвы. В целом эротизм графа никак не проявляется в фильме, как и оргиастические эмоции, метафорически выражающиеся обычно в виде крови. Его витальность теряет эротический характер, свойственный кино-вампирам, обнажая тот факт, что это странный, «холодный» эротизм в целом в сущности вампира не имеет ничего общего с собственно продлением человеческого рода, кровного родства, а имеет другую природу – нерегулируемую, неконтролируемую (остранение образа вампира в целом). В то же время, у конкретного вампира – Носферату – прорыв хаотических сил отрывается от природы и привязывается к цивилизации (появление новых черт образа в фильме). Обретение власти над миром через приобщение к «общности в крови» Носферату не интересует. В осуществлении поджога он берет казалось бы не свойственную вампиру функцию (в фильме мотивируется как месть, но мы отнесем это к чисто сюжетной мотивации). Поскольку вампир является проявлением сверхвitalного, стихийного, его желание подрыва цивилизованной жизни уже не кажется таким уж странным, как и то, что сам он при этом оказывается неуловимым и неподвластным смерти. Однако если раньше Носферату приходил как мор, то в современном мире – как угроза, исходящая не со стороны природы или другой внешней могучей силы, но внутри самой цивилизации, из ее сердца.

Другой мотив, свойственный вампирской теме, – мотив заражения или болезни – в фильме В. Мариничева практически отсутствует: «Дракула» не заражает Джонатана, не делает его вампиром. Более того, вампирскому занятию – питию крови – в фильме «Носферату» почти нет места, равно как и самой крови. Объявление графа о том, что он будет работать главным врачом в больнице, что по соседству с кладбищем, Джонатан встречает восторженно: «Значит, не будет никаких проблем с кровью!». На это Носферату разочарованно отвечает: «Да что ты все кровь да кровь. Во-первых, не кровью единой жив вампир...».

Носферату каждый раз скорее пугает свои жертвы, чем охотится на них. Причем первая ночная вылазка графа и Джонатана с полетом над поездом будто бы имеет целью только сам полет и забаву по наведению смертельного ужаса на окружающих (результат – смерть мужчины в поезде).

Носферату в фильме В. Мариничева – не «классический» романтически-аффективный вампир, которым руководит страсть; он скорее импульсивный персонаж*. Однако его импульс, прорыв иного порядка, чем у «традиционных» вампиров: он прорывается не столько как первично-природное или хаотически-мистическое, сколько как болезненно-человеческое («...Порвана вселенная, скомкана», – говорит об этом прорыве режиссер). На протяжении всего фильма Носферату пугает и убивает. В эпизоде в самолете инициация Джонатана происходит через убийство (!), а не через кровопитие. Лишь один раз за весь фильм вампир все же пьет кровь, но перед этим происходит совсем не характерная для вампира вещь: после долгой «охоты» за выбранной жертвой-девушкой в ночном городе, сопровождаемой ужимками, игрой в прятки (снижение и пародирование вампирских повадок), Носферату избивает девушку, нанося несколько ударов по лицу, как будто им движет не жажда крови, а жажда разрушения.

«Мужской мир». Как известно, кинематографическая история Дракулы начинается с фильма Мурнау «Носферату, симфония ужаса»; в нем профессор отодвигается на второй план, а акцент делается на жертвенности женщины, готовой провести с вампиром ночь, быть им укушенной и зараженной, а главное – способной удержать вампира до губительных лучей утреннего солнца. Особенно последовательно эта линия проведена в римейке фильма Мурнау («Носферату: призрак ночи»), сделанном Вернером Херцогом, для творчества которого вообще характерно внимание ко всему чуждому европейской цивилизации, к мирам первобытным и диким. Его Ван Хельсинг – совсем уже беспомощный

* Ж. Делёз показал, что переход от готики к неоготике – это переход от экспрессионизма и образа-аффекта (так, в фильмах Мурнау и Херцога важно сопереживание испытывающим страдание людям, жертвенным героиням) к натурализму и образу-импульсу [3, с. 186–192].

старик, Дракула – сама эпидемия, вторгающаяся в город, а женщина жертвует собой ради спасения от болезни всего города.

Характерно, что в фильме В. Мариничева женщина появляется практически только в одном образе – проститутки Мины, самой ставшей «жертвой» разгулявшейся парочки графа и Харкера. В эпизоде знакомства с ними девушка называет имя, добавляя реплику: «А вообще, можешь звать меня как угодно...». Сниженный образ Мины, возможность любого имени, эпизодическое появление говорит о том, что никакого отношения к жертвенному прототипу героиня анимационного фильма не имеет.

Чтобы ввести фильм В. Мариничева в российский контекст, можно провести параллель, подкрепленную не только совпадением уголовно-полицейских истоков и визуальными переключками основного образа, но и пересечением более глубинным, в сфере ментальности, – параллель с другим фильмом, продюсером которого выступил Сергей Сельянов, «Грузом 200» (Алексей Балабанов, 2007 г.). Несколько сбивающая с толку зрителей «Груза 200» визуальная параллель вампира и Журова возникает и в самом облике героя фильма Балабанова (см. иллюстрации 1 и 2), и в одном-двух эпизодах, где он неожиданно появляется и сразу исчезает, мелькнув в свете луны. Журов и типологически приближается к образу вампира: в нем есть нечто кадаврическое, он словно существует в мире смерти, однако он – тело без души, и «живой труп», и «мертвая душа» [7].

Илл. 1. Граф Дракула. Анимационный фильм В. Мариничева «Носферату. Ужас ночи» (2010 г.)

кинематографически неубедительны, слабо мотивированы, холодно-рассудочны, создаются в той системе координат и мифологии, которая не позволяет создать цельный женский характер. Даже в фильме А. Гордона «Огни притона» (2011 г.) образ женщины, способной любить, сопряжен с ролью хозяйки борделя. Мужчины в таком кино оказываются психологически и духовно ущербны, а женская любовь и ее восприятие извращаются.

Важным женским образом становится образ матери. Анализируя советскую мифологию материнства, С. Адоньева приходит к выводу о сильной связи советского человека с «Великой Матерью», матерью священной. «Это богиня войны – она понуждает к ней мужчин и отдает им погребальные почести, также подавая и охраняя жизнь детей» [5, с. 253]. Великая Мать возникает в контексте вампирской темы в романе В. Пелевина «Empire “V” / Амфир “B”»: «развратная, несмотря на отсутствие тела, вечно пьяная и смертоносная

Общность этих двух фильмов прослеживается на уровне ментальности и психологии. Современный российский кинематограф беден на женские образы, особенно положительные, он создает преимущественно мужской мир как в повседневности, так и в психологическом плане, а такие киносерии, как «Бумер», «Брат», телесериалы «Бригада» и т.п., последовательно работают в теме преступной и полицейской среды. В фильмах последнего времени таких режиссеров, как А. Звягинцев (ср. «Изгнание», 2007 г., «Елена», 2011 г.), К. Серебрянников и др., женские образы зачастую психологически/

Илл. 2. Капитан Журов (актер Сергей Полуян). Кинофильм А. Балабанова «Груз 200» (2007 г.)

царица вампиров» [5, с. 253]. Мать священная не отрывает своих сыновей от связывающей их пуповины, запрещает сексуальность. Так, Журов, связанный с «зоной» и импотенцией, спецификой профессии, властью, неспособный строить нормальные отношения, делает пленницей свою нареченную жену (полужертву, полублудницу). Мир «Носферату» также связан с темой власти, уголовщины, отсутствия сексуальности (помимо эротизированных во сне Джонатана отношений хозяина – подчиненного); связь двух интерпретируемых фильмов в заикленности на матери, на оральной стадии подтверждается и эпизодом знакомства с графом, где Носферату подробно останавливается на портрете своей мамы, также описываемой в духе «богини войны».

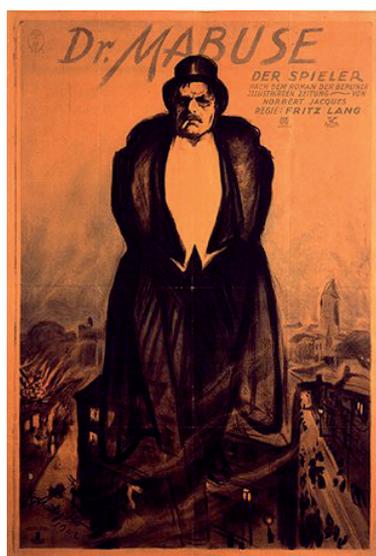
Илл. 3. Постер фильма Р. Вине «Кабинет доктора Калигари» (1920 г.)

Хотя эти моменты отчасти пародируются в анимационном фильме, «Носферату» все же является проводником тех же черт, что и «Груз 200», что дает возможность говорить о действительно существующей мифологии и социально-психологических характеристиках, выражаемых через экран. Кроме того, Журов, как и Носферату, постмодернистский персонаж: он строится на игре образов (маньяк, вампир, «оборотень в погонах» и т.д.), его нельзя зафиксировать сколь угодно определенно.

Сеанс гипноза. Фильм В. Мариничева в своей образной системе опирается не на роман Стокера, а на дальнейшую и многократно менявшуюся кинематографическую традицию дракулианы. В различных интервью режиссер говорил, что он вдохновлен, в первую очередь, «Носферату» Мурнау. Как известно, этот фильм вместе с «Кабинетом доктора Калигари» Роберта Вине, «Доктором Мабузе» Фрица Ланга вышел в Германии в 1920-х гг.; эти и некоторые другие картины составляют группу «фильмов о тиранах». Обозначил и проанализировал эту группу З. Каракауэр в своей работе «Психологическая история немецкого кино», показав, как реализуется в них тема души, стоящей на распутье между анархией (хаосом) и тиранией. Вызывая к жизни страшные образы тиранов, предполагает Каракауэр, возможно, «немцы пытались заклясть страсти, которые бродили в них самих и грозили полным себе подчинением» [4, с. 83].

На самом деле от Мурнау В. Мариничев практически ничего не берет. Образ его графа Дракулы отчасти питается экспрессионистской традицией (например, ассоциация портретного образа графа с «Криком» Э. Мунка), что свойственно скорее «классическим» вампирам. Рабочее название фильма даже было «Душа Носферату», а экспрессионизм как раз стремился показать «работу» и жизнь души, что в анимационной ленте отсутствует. Если новый «Носферату» и связан типологически с фильмами немецкого экспрессионизма, то не с классическим образом «разносчика заразы-чумы» или кровопийцы, а с образами гипнотизеров Калигари (директор лечебницы, использующий в своих целях пациента-сомнамбулу, которого показывает в своем балагане в ящике, похожем на гроб; убийца) и Мабузе.

Жажда власти, готовность идти на любой эксперимент для овладения телом и душой человека объединяют все эти образы гипнотизеров-психиатров, а также вносят в них элементы натуралистические. Носферату – также талантливый гипнотизер (свойство вампиров) и главный врач в психиатрической больнице. Образ «доктора» и тема

Илл. 4. Постер фильма Ф. Ланга «Доктор Мабузе, игрок» (1922 г.)

гипноза, конечно, отсылает к фашистским экспериментам и «Доктору Смерть»; «Носферату» касается темы грубого воздействия на человека.

В какой-то степени представитель закона комиссар Сьюард в «Носферату», как и прокурор Венк в «Докторе Мабузе», скомпрометирован: его готовность пойти на сговор с «доктором Фишером» ради репутации свидетельствует о его моральной неустойчивости. Образ Носферату-Дракулы здесь наделяется функцией искусителя и изобличителя (что сближается с миссией врачевателя) социальных пороков. При этом в фильме все, кроме Ван Хельсинга как представителя чистой рациональности, поддаются гипнозу.

Калигари, а в большей степени Мабузе, и современный Носферату – многоликые и ускользающие – олицетворяют вездесущую угрозу, которую невозможно локализовать. Анимационный Дракула-Носферату выражает наш страх не перед заражением, не перед инаковостью (отсутствием смерти, гомосексуализмом или др.), но перед двумя вещами. Во-первых, перед тем, что зло может завладеть каждым из нас в любой момент. Так, гипноз Носферату заставляет Джонатана убивать, блюстителей закона избить неповинного человека. Однако источником этого зла является сам человек – его инстинктивные импульсы. Отчасти «душа Носферату» – это измененные стороны нашей души. Во-вторых, страх относится к современной социальной мифологии и связан с ощущением, что зло поджидает нас везде. В одном из телеинтервью режиссер В. Мариничев так выразил одну из основных идей фильма: «Зло ходит рядом и имеет разные обличия»*. Эта трактовка образа сближает его скорее с натуралистическим «образом-импульсом», чем отсылает к экспрессионистской теме души, хотя и сам Мабузе представляется в большой степени натуралистическим персонажем, руководимым импульсом.

В. Мариничев придает своему персонажу черты разных образов, сближая его то с преступником-маньяком, то с расчетливым уголовником, то с призраком, то с «Доктором Смерть»; с образом экспрессионистским и натуралистическим. В целом образ анимационного вампира скорее отталкивается от наших представлений о вампире, проявляя его укорененность в первичных импульсах, изначальной природной общности, «зове крови», а также вскрывает черты «постиндустриального вампиризма».

Д и с к у с с и я

ЛШ. Не знаю, заметили ли вы, что романтизированный образ вампира буквально захлестнул массовый экран и подростковую литературу, начиная примерно с середины 1970-х гг. Мало того, что населившие массовый экран вампиры в количественном отношении превосходят других монстров (зомби, оборотней, призраков и т.д.), но они прошли и заметную качественную эволюцию: от образа Носферату в фильме Мурнау 1922 г. – омерзительного старика, бездушного хищника, сопровождаемого крысами, до неотразимого красавца Лестата де Лионкура из «Интервью с вампиром. Вампирские хроники» 1994 г. Современные вампиры, сошедшие со страниц мелодраматической прозы Энн Райс и Стефани Майер, – это тонкие юноши и девушки, склонные к рефлексии и поискам ответов на вечные вопросы. Экранизация «вампирической саги» невероятно популярна. Так почему же именно вампир стал «героем нашего времени»? Мне кажется, потому что в отличие от других «не-человеков», вампир дает своей жертве бессмертие. Бессмертие чисто телесное, тeneвое, но с учетом двух важных характеристик современного гедониста – телесно-эротического отношения к жизни и социально-психологического состояния повышенной тревожности – это все же бессмертие. Далее на этом образе отработывается идея отношения к Другому и принятия Другого, даже чуждого. Взглянуть на мир глазами вампира – «все равно, что взглянуть на землю с небес» (тем более что небеса эти ныне заселены вернувшимися к нам злыми языческими богами). Я помню удивившую меня песенку из детского мультфильма середины 1990-х гг. с рефреном «Вампиреньш – он наш друг!».

Сегодняшний вампир – это «темный ангел», который предлагает своим «друзьям» кровосмешение, обмен кровью. В многочисленных работах, посвященных вампирической парадигме в западной

* Более прямолинейно мысль, что «они среди нас», выражена в фильме «От заката до рассвета» Родригеса – Тарантино (1995 г.). Однако вурдалаки в этом фильме намного меньше общего имеют с вампирами.

литературе и культуре, естественно, рассматривается и мистика крови или философия крови. Ведь кровь – один из самых древних символов мировой культуры. Поэтому метафора вампиризма имеет не только значение кровавой инициации, дающей обретение иной природы (не человеческой витальности) и иной, не-социальной, интеграции. И символист М. Кузмин, и большевик А. Богданов тоже воспринимали кровь как «знак обмана», выход из «одиночества крови», своеобразный коллективизм.

Я согласна с теми культурологами, которые описывают фигуру вампира как метафору самого кинематографа. Ведь кино – это изображения, живущие жизнью людей и заставляющие людей жить жизнью изображений.

Еще раз вернусь к роковым красавцам Голливуда, обеспечившим огромную аудиторию и «всемирную любовь» вампир-муви. Готические мелодрамы предельно романтизируют образ вампира, а это требует комедийного противоядия. Возможно, черная комедия В. Мариничева не имела зрительского успеха как раз в силу того, что в ней насмеваются не над кинематографическими штампами, а приземляют и драматизируют как образ самого Дракулы, так и всех персонажей стокеровской истории (еще бы: покусилась на святое!). В. Мариничев убирает добавляющие мелодраматизма женские персонажи, рассказывая чисто мужскую историю, да еще снимая ее в духе примитива. То ли дело фильм канадского режиссера Гая Мэддина «Дракула: страницы из дневника девственницы» 2002 г. В этом фильме-балете на музыку Г. Малера Дракула – «романтический гость, гений любовного пируэта, уничтожен невысоко оторвавшимися от земли посредственностями во главе с Ван Хельсингом».

Вообще появлению мифа о вампире современная культура обязана эпохе романтизма, времени Байрона. И хотя весь постмодерн представляет собой абсолютное отрицание романтического мироощущения, одна из его важнейших черт осталась неприкосновенной – это превосходство человека над человечеством, превосходство внутреннего мира над внешним. Первые романтики расширили «сферу интимного до немыслимых пределов». Современный кинематограф показал, что романтик – человек ночи – и есть вампир, этот «юноша бледный со взором горящим». Тем более интересна представленная фильмом В. Мариничева позиция, снижающая этот образ до анекдота.

III. Очевидно, что феномен вампира породил в культуре последних десятилетий достаточно широкий перечень концептов, обозначивших ряд реалий духовной, социальной, практической жизни современного человека и общества. С одной стороны, это объекты, явления, процессы, структуры, которые существовали и раньше, но не описывались в вампирическом лексиконе (психологическая манипуляция называется теперь официально-терминологически вампиризмом как энергетическая подпитка другим человеком; появляются понятия в сфере имиджеологии, стилистики, субкультурных сообществ, моды с приставкой вамп- : вамп-женщина, стиль «вамп», подгруппа готической субкультуры вамп-готы и т.п.). В этом смысле можно наблюдать и констатировать вампиризацию языка культуры (как это сделал, например, В. Пелевин в романе «Ампир-V»). С другой стороны, вампирическая парадигма, как удачно выразилась ЛШЦ, – это новая культурная реальность, которая обозначает новые ценности и установки культуры. В лекции ИТ отчетливо проговаривает эту установку вслед за автором мультфильма: вампиры среди нас, и это нормально. Очень удачно, как мне кажется, эту культурную тенденцию в более широком аспекте подметила и обосновала современный историк культуры Дина Хапаева в своей книге «Готическое общество: морфология кошмара», основным мессиджем которой является идея о смещении культурного идеала от антропологических оснований (когда конкретная личность или тип личности задает аксиологическую норму эпохи) в культуре прошлого к принципиально неантропологическому идеалу культуры (образец и камертон культурной нормы – это не человек, а нечто или некто иное: хоббит, эльф, пришелец, зомби, вампир, супергерой зооантропоморфного вида: человек-паук или леди-кошка).

Литература

1. Антонов С.А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Антология. М. : Азбука-классика, 2007. С. 5–88.
2. Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм // Синий журнал. 2010. № 15. С. 25–46.

3. Делёз Ж. Кино / пер. с франц. Б. Скуратова ; науч. ред. и вступит. ст. О. Аронсона. М. : Изд-во «Ад Маргинем», 2004.
4. Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера / пер. с англ. М. : Искусство, 1977.
5. Липовецкий М. Родина-жуть // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 248–256.
6. Секацкий А.К. Прикладная метафизика. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005.
7. Тропина И.Г. «Груз 200» А. Балабанова как отражение времен // Вестн. филиала Всерос. заоч. финансово-экономического ин-та в г. Волгограде. 2008. № 5. С. 102–107.

“Evil Goes Around and Has Different Faces”
(animated film by V. Marinichev “Nosferatu. Horror of the Night”)

There is analyzed the image structure of the animated film by V. Marinichev “Nosferatu. Horror of the Night” (2010): the parts of the image of vampire, its traditional components, typological features and modern transformations, Russian context of the images of the film; made the conclusions regarding socio-psychological nature of the modern cinema vampire.

Key words: image of vampire, vampirology, modern Russian cinematography, animated film, vitality, social fears.